

менты, пищевые стимуляторы (орехи кола, пиво, пальмовое вино и т.п.), особенности освещения. В частности, освещение в пространстве музейной экспозиции при построении «вневременного», постоянного состояния также искусственно конструируемого «контекста вещей» выступает важным элементом обеспечения искомого эффекта воздействия на зрителя. Возможно и применение фонового звукового воздействия, отражающего реальное фоновое звучание саванны, приближающееся к инфразвуку. Оно же создает эффект незримого присутствия, неизвестности, подкоркового возбуждения — fascinации [Кнорозов 1973]. После чемпионата мира по футболу 2010 г. в ЮАР этот феномен стал хорошо известен повсеместно из-за непрерывного и монотонного звучания во время матчей труб-«вувузел», весьма раздражавших непривычных к такому неотчетливому шуму европейцев, но придававших всему происходившему оттенок той самой «вневременной инореальности».

Космос как проекция общественного коллектива в самозамкнутое пространство (односвязная поверхность)

Не менее важными, чем «временные», для нас, как представителей современной культуры и знания, наследников нормативной для цивилизации картины мира, выступают пространственные представления. Увы, и здесь бамбара дают исследователю, пытающемуся разобраться непредвзято в сути реальных, а не якобы «универсальных» дидактически нормативных представлений о мире, можно сказать, амбивалентный материал. Подобно собственному отражению в зеркале [Bathurst 1994] или «бумерангу исследователя», как об этом говорил В.М. Мисюгин [Мисюгин 1991] у них можно увидеть все, что мы считаем непреложным для «пространственно-временных» конструкций. Есть «земля» и «небо», «верх» и «низ». Но и здесь, как и с понятием «время», возникает множество проблем. Дело не только в отсутствии прямого лексического выражения этого понятия. Дело (как и в случае с «ньяма») в очень большой конкретности определения «чего-то между чем-то». Уже одно то, что «небо» и «земля» совместимы у бамбара через понятие «твердь/кость», свидетельствует о сомнительности поиска аналогий в этой части картин мира [Арсеньев 2007: 22–36].

О неорганизованной части пространства (или «хаосе») в зафиксированных формах передачи информации о мироздании у бамбара

речи вообще нет. Впрочем, Ж. Дитерлен говорит о некой «первичной пустоте» — «гла» [Dieterlen 1951: 2–5]. Являлась эта «первичная пустота» для французской исследовательницы библейским «вселенским первичным мраком», сказать уже невозможно. Но излагаемый ею и приписываемый бамбара миф о творении вызывает, на мой взгляд, серьезные сомнения. Их не развеяла в прямом общении со мной и сама Ж. Дитерлен [Арсеньев 2010: 195]. Разумеется, некоторые созвучия и коннотации в понятиях «мрак»/«космос»/«пустота» прослеживаются, но это никак не тождество. А раз так, то и вопрос о «космосе» применительно к воззрениям бамбара может ставиться лишь условно. При этом можно подразумевать под таковым весь мир, включая «видимый» и «невидимый», «земной» и «небесный», т.е. все пространство жизни. Это «пространство» допустимо характеризовать как «нишу жизни» или «нишу включенности в жизнь». И равно, как в случае со «временем», здесь весьма важными оказываются более конкретные понятия — «день» и «ночь», «жизнь» и «смерть» — в их глубокой императивной для бамбара связи с тем, что мы понимаем под выражением «пространственно-временные представления», но которые весьма нерелевантны бамбара в нашем понимании этих представлений. Эти понятия куда более актуальны и фундаментальны, чем любые абстракции и производные от них, каковыми для нас и выступают «пространство» и «время». Нельзя пройти мимо слова «дугу», которое означает и «землю, обитаемое пространство», и «темную часть суток», а точнее — «состояние, когда земля пребывает во мраке», т.е. «ночь». При этом «ночь», или «су» (яз. бамбара), неотделима от понятия «смерть», но опять же не в европейски фатальном значении этого слова, а как обратная сторона «жизни», ее изнанка, но — непреложность. Когда земля во мраке, это время «мертвых», время предков, время их активного проявления в тех же пространствах обитания, что и у «живых». Именно слово «дугу» должно было бы служить истинным эквивалентом понятия «мир», если бы не арабоязычное заимствование «днье, дуний».

«Мир» бамбара социоцентричен. Он и есть «земля, обитаемое пространство, страна» — «дугу». И собственно сама «дугу» (поселение, деревня) и составляет эту принципиально самодостаточную величину, зону, пространство обитания. Его горизонты проецируются на самое себя, создавая ощущение замкнутого и в то же время бесконечного пространства, в себя входящего и из себя исходящего. Подобное явление имеет аналоги в моделях современной физики как фрактально-голографические. Однако более очевидным аналогом простран-

ственно-временного (для нас) мироощущения бамбара могла бы служить модель реальности, напоминающая «бутылку Клейна» (или «односвязную поверхность» — четырехмерную пространственную фигуру с неизменным и бесконечным оборотом «начала» и «конца», без фактического «начала» и «конца») [Арсеньев 1991б: 143–144]. Уместно отметить, что после открытия Музея набережной Бранли в 2007 г. в его экспозиции, посвященной древнейшим представлениям людей о мире, появилась вполне реальная, созданная стеклодувом конструкция, как раз и воплощающая «бутылку Клейна». Это позволяет не только припомнить высказывание, что правильные «идеи висят в воздухе», но и подумать об обыгрывании подобной аналогии в стенах МАЭ.

Именно в аналогии с этой фрактально-голографической моделью «деревня» или общественный коллектив «дугу» находится на поверхности голограммы, в плоскости обитания, бесконечно возвращаясь к самому себе в соответствии со взаимно согласованными природными и социальными циклами. Причем «живые» существуют в «дневной» плоскости этой жизненной конструкции, а «мертвые» — в «ночной». Однако общественное сознание предполагает взаимную проницаемость сфер существования. Это нормативно — «рождение» и «смерть». А ненормативно — технология «перехода», связанная со специфическими навыками и знаниями: например, «субага» (оборотничество). И в этом смысле переход из одного нормативного состояния в другое («жизнь» -> «смерть» -> «жизнь») и есть собственно жизненный процесс, который в «свете дня» идет в одних формах, а «во мраке ночи» — в других. Но в любом случае в «обитаемом пространстве» (или «дугу»), при освещенной «земле» или нет, он идет обязательно, он и есть «жизнь» — «сегодняшняя» либо «вчерашняя» (а значит, «будущая»). Это и есть «космос», или «мир» бамбара, клеточка их обитания.

«Мнимые» и «истинные» величины «всеобщей реальности» (человеческой и внечеловеческой)

Приходится еще раз вернуться к тому, насколько непросто построить вербализованное достоверное отражение картины мира бамбара. По сути, есть множество таких реконструированных «картин», в каждой из которых — свое соотношение истинных и надуманных, привнесенных, мнимых самими наблюдателями «фактов». В этом, в частности, можно почувствовать исследователю, берущемуся за